

Д. А. Кожин

## УТВЕРЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920 ГОДУ И ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ ЕЁ НАСЕЛЕНИЯ

*В статье рассматривается положение советской власти Иркутской губернии в 1920 году, анализируется отношение к ней со стороны крестьян, городского населения и духовенства. Анализируются причины непринятия широкими слоями населения Иркутской губернии советской власти и методы, с помощью которых преодолевалось сопротивление.*

*Ключевые слова: Советская власть, 1920, Иркутская губерния, население.*

D. A. Kogin

## ADOPTION OF THE SOVIET POWER IN THE IRKUTSK REGION IN 1920 AND THE LEGAL NIHILISM OF ITS POPULATION

*The article deals with the position of the Soviet government of Irkutsk province in 1920, analyzes the attitude towards it on the part of the peasants, the urban population and the clergy. The reasons of failure of the wider population of Irkutsk province of the Soviet power and the methods by which it is to overcome the resistance.*

*Keywords: Soviet power, in 1920, Irkutsk Province, people.*

После падения диктатуры А. В. Колчака в декабре 1919 г. и с началом установления советской власти в Иркутской губернии в 1920-м сложилась своеобразная ситуация. В разных слоях населения региона очень сдержанно отнеслись к новой власти.

Так, коммунистическая идеология не имела сколько-нибудь заметного распространения в крестьянской среде, а тем более поддержки. Противостоя колчаковской диктатуре, они, согласно обоснованному мнению коммунистических лидеров, ждали «скорого прихода большевиков не как представителей пролетарской диктатуры, а как людей, протестующих против общего порядка» [1].

Как отмечал по данному поводу председатель Иркутской губернской чрезвычайной комиссии (далее – губчека) А. П. Марцинковский, получив от большевиков землю, покладистые сибирские крестьяне успокоились и хотели «было почивать на лаврах», отстранившись от внешней и внутренней политики. Но подразвёрстка, масса повинностей и мобилизация вывели крестьянство «из состояния покоя и обозлили его» [1, л. 24]. В местах, где не были расположены войска, воцарилось полное недоверие и вражда к коммунистам, представляющим власть.

«Крестьянская среда», по оценке чекистских аналитиков, испытывала «недоверчивое отношение к представителям рабочей партии. И «Коммуния», которую несут большевики, самое страшное для деревни из коммунистической программы»[1, л. 24]. В этой связи в крестьянской среде по всему региону участились вооружённые восстания. Боевое задание партии большевиков по продразвёрстке и мобилизации не выполнялось. Сибирь, являясь не только продовольственной и сырьевой базой для советской России, но и «резервуаром живой силы для Красной Армии», в 1920 г. выступила против безвозмездного изъятия продуктов и сырья, несправедливой мобилизации. В Восточной Сибири, особенно в Иркутской губернии, по масштабам и численности восставших выступления значительно превзошли размах партизанского движения против власти Колчака. Если в течение 1919 г. против власти белых партизанские отряды действовали главным образом в западных районах Нижнеудинского уезда, то осенью 1920 г. восстания охватили всю территорию Иркутской губернии.

Понимая, что крестьянство, объединившись в армии, как при Колчаке, сможет свергнуть ставшей ему ненавистную власть коммунистов, председатель Сибирского революционного комитета (далее – ревком) И. Н. Смирнов приказал: «Для предотвращения этого всем губернским ревкомам и исполкомам немедленно назначить полномочную тройку в составе председателя губека и губвоенкома, с её председателем – председателем губревкома или губисполкома» [2]. Такие же тройки должны были создаваться и в уездах.

При восстаниях в уездах вся полнота власти переходила тройке. При этом командование вооружёнными силами, которые привлекались для подавления восстания, предоставлялось военному комиссару. Тройка должна была объединять и согласовывать действия всех советских органов. За «неподавленное восстание» тройка несла персональную ответственность «по строгости закона, за недостаточно энергичную защиту Советской Власти» [2].

Городское население губернии так же, как и крестьяне не испытывало большой симпатии к новой советской власти с их идеологией в отношении частной собственности. Городской обыватель связывал своё развитие с укреплением товарно-денежных отношений. Неудивительно поэтому, что представители советской власти с неприязнью отмечали: «После переворота Иркутск в силу своей спекулятивной психологии и массе осевших всевозможного типа дельцов, продолжал ту вакханалию сделок, которую можно было наблюдать при Колчаке»[2, л. 3 об.].

По мнению большевистского руководства, Иркутская губерния становилась «центром спекулятивной жизни Сибири» [2, л. 3 об.], причем, «спекуляция захватила все слои населения»[2, л. 3 об.]. «Приходится сталкиваться с тем, – писали в своих отчётах иркутские чекисты, – что сами представители Советской власти мешают борьбе со спекуляцией» [2, л. 3 об.]. Более того, они (чекисты) полагали, что именно в советских учреждениях находились «все её корни» [2, л. 3 об.].

«Так, например, – узнаём мы из Отчёта ЧК за 1920 г., – крупный местный спекулянт Абаджи, греческий консул, возглавляющий громадную панаму, которая имеет корни в Шанхае, продал на большие деньги несколько вагонов медикаментов, которые могли быть у него просто реквизированы, представителю Сибздрави Раппопорту и получил от него удостоверение на скупку медикаментов от иностранных подданных на любую сумму» [2, л. 3 об.].

Советские служащие проявляли «явный антагонизм к Советской власти». В связи с этим в «Докладе Губчека... за 1920 г.» сообщалось: «Редакция местной газеты часто получает анонимные письма такого содержания: «Скоро ли чёрт унесёт Вас, грабителей» [2, л. 3 об.].

В связи с отделением церкви от государства и секуляризацией церковного имущества не приняло новую власть и духовенство, а оно, по мнению современников, играло «выдающуюся роль... в политической жизни... благодаря своей исключительной активности», которая нередко выражалась в антисоветской агитации. Наибольшей «реакционностью» отличались беженцы и священнослужители из Уфимской губернии и приходов, прилегающих к Ижевскому заводу, а также беженец из Казани протоиерей Николай Троицкий, которого, несмотря на облаву, проведённую в Знаменском женском монастыре, захватить не удалось.

На их «погромных» проповедях велась критика существующего социального государственного строя. Говорилось о «жидовском засилии комиссаров» [3]. О том, что отделение церкви от государства это «сатанинские измышления большевизма» [3], а символ красноармейской звезды «разъяснялся суеверной темноте, как печать Антихриста» [3].

По мнению председателя Иркутской губернской чрезвычайной комиссии С. Г. Чудновского, «клерикальной цитаделью Иркутской епархии» [3, с. 402.] являлся Вознесенский мужской монастырь, настоятелем которого был епископ Зосима. За монастырём было установлено негласное наблюдение. 22 марта 1920 г. монастырь оцепили и проверили всех живущих в нём. При тщательном обыске в подвале было обнаружено 15 пудов церковной утвари и «некоторое количество ценностей» [3. С. 403], которые были изъяты и переданы на хранение в Народный банк.

В этот же день ЧК были арестованы временный управляющий епархией епископ Зосима, организатор дружин Святого Креста священник Концевич и священник Климяк. Арестованные были допрошены и 8 апреля отпущены под поручительство. 13 апреля ЧК арестовала протоиерея Верномудрова. 16 мая Зосима отказался от звания епископа и сложил с себя монашеский сан. 29 мая Зосиму ЧК увезла в Омск, в представительство ВЧК по Сибири. А 14 июня его обратно перевели в Иркутскую тюрьму [3. С. 403].

По агентурным сведениям, значительные ценности, отданные на хранение в Вознесенский монастырь состоятельными беженцами с Запада, были спрятаны в раке Сибирского святого Иннокентия. Но во избежание выступления верующих по поводу осквернения святыни, Губчека временно

воздержалась от обысков и вскрытия раки. Но 24 января 1921 г. рака святого была вскрыта Особой комиссией, избранной съездом Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, проходившем в Иркутске. Ценности обнаружены не были.

В Знаменском женском монастыре также был произведён обыск. По выражению Чудновского, обнаруженные в нём «ряд бездокументных попов» [3. С. 405], были арестованы, зарегистрированы и освобождены на поруки местного Епархиального Совета. Не удалось задержать протоиерея Николая Троицкого, бежавшего из Казани и живущего нелегально.

В результате «духовная периферия была терроризирована начавшимися репрессиями... и воздерживалась, от каких-либо выступлений» [3. С. 407]. Тем не менее, от уездных и сельских ревкомов в Губчека поступала информации о том, что местное духовенство, пользуясь тем, что «карательный аппарат не смог раскинуть сеть своих учреждений по губернии», не смирилось и «открыто, ведёт погромную агитацию» [1, л. 3].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что широкие слои населения Иркутской губернии проявили нигилистическое отношение к установлению в 1920 г. советской власти. Неслучайно руководители Губчека отмечали, что «со стороны обывательщины и кулацкой (т. е. большей – авт.) части крестьян живёт ожидание, что территория Иркутской губернии войдёт в сферу Буфера (т. е. ДВР – авт.), который в данный момент является клоакой, где кишит вся контрреволюционная масса, сумевшая удрать из пределов Советской власти» [1, л. 1].

При этом следует учитывать, что в «удовлетворительно настроенных воинских частях», которыми располагала новая власть, рядовой состав, по её же оценке, на 60 % состоял из бывших колчаковских солдат, а командный – на 10 % из белогвардейских офицеров. [1, л. 3]. Более чем наполовину состояла из бывших колчаковских милиционеров советская милиция.

Не имея широкой социальной базы и массовой поддержки местного населения после падения диктатуры А. В. Колчака, большевики должны были в Иркутской губернии или отказаться от реализации своих программных установок, проводя либеральную социально-экономическую политику и в результате формируя правовую систему государственного управления, или, «не поступаясь принципами» устанавливать свою власть, развязывая очередной раунд Гражданской войны и утверждая господство правового нигилизма.

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. ГАИО. Ф. Р-145, Оп. 4, Д. 6, Л. 1
2. РГВА, Ф. 185, Оп. 6, Д. 24, Л. 518.
3. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. — Иркутск: ВСКИ, 1994. — С. 400.